

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

*Он лежал в бассейне
лицом вниз, раскинув
руки; из раны, зияющей
на голове, текла кровь,
бурым пятном
расползаясь в воде, —
его убили несколько
секунд назад...*

Чингиз Абдуллаев

Факир
на все
времена

ЭКСМО

Дронго

Чингиз Абдуллаев

Факир на все времена

«PEN-клуб»

2009

Абдуллаев Ч. А.

Факир на все времена / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2009 — (Дронго)

Преуспевающий российский бизнесмен убит в отеле на турецком побережье Черного моря. Никто из тех, кто был в этот вечер в гостях у погибшего, на роль убийцы не подходит, к тому же у всех – железное алиби. Эксперт-аналитик Дронго невольно вовлечен в расследование, и именно он обнаружил следы убийцы. Но следы – это еще не сам преступник, тот где-то рядом и хладнокровно продолжает свою охоту. Дронго почти загнал убийцу в ловушку. Но в последний момент преступнику удается ускользнуть буквально на глазах всей оперативной группы. И тем не менее Дронго знает: их встреча неизбежна...

Содержание

Пролог	5
Глава 1	11
Глава 2	16
Глава 3	26
Конец ознакомительного фрагмента.	29

Чингиз Акифович Абдуллаев

Факир на все времена

С религиозными фанатиками он будет трижды фанатиком. С монархистами трижды монархистом. С оппозиционерами? Ничего, он сумеет быть и оппозиционером. Если же его махинациями заинтересуется правящая партия или какие-нибудь чиновники, то он и тогда не растеряется. Ведь не могли же унести в могилу его отец и дед весь свой арсенал лжи? Оставили немного и на его долю. Он заявит, к примеру, что действует так умышленно, чтобы лучше узнать истинные замыслы фанатиков, оппозиционеров и монархистов. Как-нибудь он всегда выкрутится.

Орхан Кемаль. «Мошенник»

Легче всего быть прохвостом. Не связывать себя никакими моральными и нравственными обязательствами, не обращать внимания на укоры своей совести и поступать во всех случаях так, как подсказывают собственные эгоизм или жадность.

Али Эфенди. «Мой исчезнувший мир»

Пролог

За три месяца до описываемых событий.

Скорый поезд на Севастополь отходил с Киевского вокзала ровно в десять часов тридцать три минуты по местному времени. По вокзалу уже объявили, что семнадцатый скорый отойдет точно в срок. До отъезда оставалось около двадцати минут, когда на перроне появился носильщик с тележкой и тремя большими чемоданами. Достаточно было взглянуть на эти чемоданы, чтобы понять, насколько богат их владелец. Они были в коричневых логотипах самой узнаваемой французской фирмы чемоданов, которые позволяют себе покупать известные спортсмены, звезды шоу-бизнеса и очень богатые люди. Очевидно, сорокалетний мужчина, идущий за тележкой, относился именно к третьей категории названных лиц. Незнакомец был не один. Рядом с ним шагали несколько высоких мужчин с характерными бритыми затылками и крепкими мускулами. Несмотря на майскую жаркую погоду, все были одеты в темные костюмы. Не составляло особого труда догадаться, что они являлись телохранителями состоятельного владельца дорогих чемоданов. Следом за тележкой носильщика они дошли до вагона СВ, где один из носильщиков предъявил четыре билета в третье и четвертое купе. Проводник, бегло просмотрев билеты, согласно кивнул головой, и первым в вагон поднялся один из телохранителей. Он осмотрел пустое купе, остался доволен увиденным и разрешил носильщику вносить чемоданы. Затем там оказался второй телохранитель. Когда все чемоданы были внесены в вагон, двое телохранителей остались на перроне перед вагоном, чтобы проводить поезд, а владелец багажа поднялся в вагон к уже находившимся там охранникам.

Александр Викторович Костиков был обычным «средним» миллионером, которые появились в Москве в середине девяностых. Его состояние оценивалось в семьдесят два миллиона долларов. Он владел двумя хорошими квартирами в Москве, очень неплохой дачей в Юрмале, большим подмосковным участком с двухэтажным строением. Костиков был акционером известной фирмы, занимавшейся поставками никеля в Европу и Америку. Он создавал свой капитал в те тревожные годы, когда каждого второго бизнесмена убивали, каждого третьего обманывали, а каждый четвертый разорялся. Чтобы сделать себе состояние в то время,

мало было быть просто умным и деловым человеком. Требовалось обладать некоторой толикой везения, иметь нужные связи, умело уходить от прессинга бандитов, налоговых и таможенных служб, избавляться от опеки правоохранительных органов, которые так любили «крышевать» бизнесменов и договариваться с местными чиновниками. Не всем это удавалось, но выживали самые умелые и пронырливые. Костиков и был таким умелым и пронырливым бизнесменом, который сумел ухватить судьбу за «хвост», заложив основу своего состояния в девяностые годы. В новом веке такие люди уже «заслуженно» пользовались дивидендами.

Он развелся со своей первой супругой еще в девяносто седьмом, со второй, подающей надежды актрисой, уже в две тысячи четвертом. Первая показалась ему недостаточно «стильной» и молодой для его бизнеса. Вторая была слишком «стильной» и молодой, предпочитая тратить деньги своего мужа в таких количествах, что от его многомиллионного состояния в скором времени могло ничего не остаться. И если с первой женой он тихо развелся, послав дочь учиться в Англию, то развод со второй был шумным и скандальным. Ему пришлось выплатить этой стерве три миллиона долларов и подарить московскую квартиру, чтобы она наконец раз и навсегда забыла о своем бывшем супруге.

Теперь он наслаждался относительной свободой. У Костикова была еще одна небольшая странность. Он панически боялся самолетов. Он их просто ненавидел. В тот момент, когда лайнер отрывался от земли, у него начиналась истерика. Не помогали никакие лекарства. Он просто не мог себя пересилить. Предпочитая ездить по всей Европе на поездах, Костиков уже несколько лет не появлялся в аэропортах, чтобы даже не смотреть в сторону самолетов. Его давно приглашали в Крым, где компаньоны приобрели большую виллу бывшего крупного партийного чиновника всеукраинского масштаба. Костикова так долго и убежденно уговаривали, что он наконец согласился туда приехать. Для этого его секретарь заказала сразу четыре билета в два купе в спальном вагоне скорого поезда. В первом купе должен был разместиться сам Александр Викторович, а во втором – двое сопровождавших его телохранителей.

В Европу он ездил на специальном поезде, который курсировал между Москвой и Берлином. В состав входил так называемый вагон «бизнес-класса». Это были четыре просторных купе со своими туалетными комнатами и двуспальными кроватями. Костиков обычно заказывал два купе, а во втором размещался кто-нибудь из его телохранителей.

Они уже вошли в вагон, когда метрах в пятидесяти от них, рядом с пожилым пенсионером, одетым в потертый костюм с орденскими нашивками и выцветшую беретку, остановился мужчина средних лет в форме летчика гражданской авиации.

– Ты их видел? – спросил «летчик». – Я уже сообщил Ольге, чтобы она подходила к нашему вагону.

– Будьте осторожнее, – посоветовал «ветеран», отворачиваясь и разговаривая практически не открывая рта, чтобы его ответ невозможно было прочесть даже с большого расстояния, – у него двое телохранителей. Очевидно, «птица большого полета».

– Оле они никогда не мешали, – усмехнулся «летчик». – Ты будешь в соседнем вагоне?

– Как обычно. И скажи, чтобы она не торопилась. Пусть подождет, пока проедут границу.

– Скажу. Еще что-нибудь?

– Их трое на два купе. Значит, в своем купе он будет один. Я сейчас позвоню Алексею, пусть пробьет фамилию этого типа через нашу базу данных. Может, мы его знаем. Если бизнесмен, то все нормально. Если чиновник или еще хуже – какой-нибудь дипломат, то тогда Ольга сходит на первой станции. Все понял?

– Конечно. Не впервые...

«Ветеран» быстро отошел от своего собеседника, направляясь к другому вагону. Через несколько минут на перроне появилась молодая женщина с маленьким мопсом. Она была одета в белый брючный костюм, так выгодно подчеркивающий прелести ее статной фигуры, и большую шляпу, закрывавшую половину лица. За ней несли сразу четыре больших чемодана. И

еще одна дородная дама двигалась следом за ней. Носильщики, чертыхаясь, вносили чемоданы в вагон. Заинтересовавшийся Костиков выглянул в коридор. Незнакомка, проходя мимо него, подняла голову и, осмотрев своего возможного соседа, любезно улыбнулась. Он обрадовался. Кажется, она будет в соседнем купе. Небольшое дорожное приключение только скрасит его путь. Носильщики вносили чемоданы.

– Что у вас там, дамочка? – вздохнул один из них. – Такие тяжелые.

– Это мои личные вещи, – громко ответила молодая женщина. – Несите два других чемодана и не задавайте глупых вопросов.

Ей было не больше тридцати. Великолепная фигура, небольшая грудь. Костикову никогда не нравились большегрудые женщины. Голубые глаза, приятный овал лица, тонкий носик. Она была блондинкой, из-под шляпки выбивались локоны ее волос.

Костиков мрачно взглянул на полную женщину, протискивающуюся мимо его купе. Если она поедет с очаровательной знакомкой, то на дорожную интригу лучше не рассчитывать. Эта дама может оказаться старшей сестрой, матерью или свекровью первой знакомки. На всякий случай нужно все выяснить. Он показал на соседнее купе одному из своих охранников, и тот кивнул, понимая все без лишних слов, и поспешил к проводнику.

Полная дама прошла в соседнее купе и достаточно громко начала прощаться с Еленой Константиновной. Эти слова подняли настроение Костикову. Очаровательная соседка, прощаясь со своим мопсом, уговаривала собачку выпить воды. Но мопс тихо тьявал, очевидно, не слушаясь хозяйки. Все закончилось тем, что он вырвался из рук и выскочил в коридор. Хозяйка поспешила за ним, пытаясь его поймать. Собачка, увернувшись, засеменила в другой конец вагона. Второй телохранитель, увидев взгляд Костикова, бросился за собачкой, пытаясь ее остановить. Это удалось ему лишь с третьей попытки. При этом мопс все равно старался вырваться. Торжествуя, охранник принес собачку и передал ее самому Костикову, который любезно отдал собачку хозяйке. Она забрала свое животное, поблагодарив Костикова. Затем долго целовала собачку, передавая ее дородной даме, очевидно, своей домохозяйке.

Первый охранник подошел к Александру Викторовичу.

– Она будет в соседнем купе. Одна, – пояснил он. – Нам проводник сказал, что она купила оба места. Елена Щербак.

– Молодец, – кивнул Костиков, – оперативно сработал.

В другой конец вагона входил высокий мужчина в форме летчика гражданской авиации. Его соседом был мужчина азиатской наружности лет шестидесяти. Он вежливо здоровался со всеми, проходя по коридору.

Еще через несколько минут состав наконец тронулся. Костиков вернулся в свое купе. Закрыв дверь, чтобы переодеться. В коридоре еще чувствовался аромат парфюма его соседки. Интересно, чем она занимается? Нужно будет с ней познакомиться поближе. В конце концов, он холостой человек и имеет законное право на небольшую интрижку.

Надев спортивный костюм и тапочки, он вышел в коридор. Один из его телохранителей дежурил в коридоре, другой был в купе. Костиков взглянул на соседнее купе, в котором находилась его очаровательная соседка. Дверь была заперта. Если она не откроет двери, то он не сможет с ней познакомиться. В крайнем случае можно будет попросить проводника предложить ей чай или свежие газеты. На на границе их все равно разбудят пограничники и таможенники. На российско-украинской границе уже традиционно много лет проверки шли по нескольку часов, словно стороны соревновались, кто больше измучает пассажиров.

Костиков вернулся в купе. Посмотрел на себя в зеркало. Мужчина в расцвете своего среднего возраста. И никакого кризиса у него нет. Дочь в Великобритании, обе бывших жены как-то устроены, сестра с мужем живут в Эстонии и имеют паспорт, позволяющий им передвигаться по странам Европы без визы. Все устроено, все нормально. У него две любовницы в Москве, с которыми он иногда ужинает или встречается. Но наученный горьким опытом

своей второй женитьбы, держит их на некотором расстоянии. Никаких особо дорогих подарков, никаких квартир и роскошных кабриолетов. Одной он подарил «Тойоту», другой – «Ниссан», и обе вполне довольны.

Он тоже доволен своей независимостью и своим положением. В его сорок семь лет все складывается как нельзя лучше. Остается только наслаждаться жизнью и тратить проценты со своего основного капитала. Костиков усмехнулся. В начале девяностых они вчетвером создали кооператив по продаже компьютеров. Где они теперь, его бывшие компаньоны? Один покончил с собой после дефолта девяносто восьмого, когда понял, что долги превышают все его возможности. Другой полез в криминальные разборки, и его застрелили в девяносто шестом в Питере. Третий просто спился и разорился. Говорят, что он продал свою квартиру, ушел из семьи и живет где-то на окраине города. Получалось, что из четверых бывших друзей повезло только Костикову. Он улыбнулся. Человеку всегда бывает приятно осознание своей удачи и своего преимущества перед другими людьми. Особенное удовольствие ему доставляют неудачи собственных компаньонов или близких знакомых, ведь все могло сложиться совсем иначе. А может, он просто подсознательно верил в некий закон «сохранения энергии», по которому везение не могло быть спутником каждого. Чтобы где-то прибавилось, где-то должно убавиться. Возможно, неудачные судьбы его компаньонов были запрограммированы на удачах самого Костикова.

Он не мог даже предполагать, что в этот момент запершаяся в своем купе незнакомка терпеливо ждала звонка «ветерана», который должен был сообщить ей более подробные сведения о бизнесмене, находившемся в соседнем купе. Если бы информация оказалась негативной или «ветеран» решил бы, что дамочке не следует знакомиться с Костиковым, то уже на следующей станции она бы вышла из поезда, имитировав внезапный звонок брата или острый приступ аппендицита.

Через сорок минут «ветеран» получил полные сведения на Александра Викторовича Костикова. Еще через несколько минут он позвонил очаровательной незнакомке и разрешил ей открыть дверь. Волна от аромата ее приятного парфюма снова прокатилась по всему вагону, когда она открыла дверь. Костиков подумал, что это судьба. Он поспешил выйти в коридор.

Костикову и в голову не приходило смотреть в другую сторону, где у окна находился «летчик» гражданской авиации, глядевший на мелькавшие за стеклом станции и незаметно следивший за реакцией самого Александра Викторовича.

Очаровательная незнакомка появилась через несколько минут. Она вышла в коридор, взглянула на Костикова, осматривая его с головы до ног, и, очевидно, осталась довольна проведенным осмотром.

– У меня тоже есть две собаки, – пояснил Костиков, чтобы начать разговор, – золотистый ретривер и миттельшнауцер. И я каждый раз скучаю, когда оставляю их одних на даче.

– Я вас понимаю, – улыбнулась в ответ незнакомка, – у меня каждый раз сердце разрывается, когда я думаю, что мой мопсик остался без своей «мамочки». А почему у вас собаки остаются одни? На даче никто не живет?

– Там есть охранники и прислуга. Но никого из родных, – пояснил Александр Викторович, – я разведен, а моя взрослая дочь уже давно учится и живет в Англии.

– Значит, мы примерно в одинаковом положении, – обрадовалась она, – я тоже разведена. И мой сын тоже в Лондоне. И мне приходится оставлять свою собаку на домохозяйку.

Начало разговора было многообещающим. Они беседовали еще минут двадцать, пока незнакомка не пригласила Костикова к себе.

Александр Викторович, уже не раздумывая, прошел в ее купе. Потом они долго беседовали, вспоминали общих знакомых по Москве. Елена Константиновна Щербак оказалась хозяйкой нескольких спа-салонов, один из которых посещал и сам Костиков.

Через два часа они отправились в вагон-ресторан. Один из телохранителей принес бутылку хорошего французского вина. Сразу четыре такие бутылки Костиков вез в Крым для своих друзей. Каждая бутылка стоила целое состояние. Это был «Бордо Медок» пятьдесят шестого года. Вино оказалось приятным и терпким на вкус. После обеда они пили кофе с коньяком. Поезд подошел к границе, когда они вернулись в свой вагон.

Незнакомка нравилась Костикову все больше и больше. Он уже успел дать ей визитную карточку и пообещать продолжение знакомства в Москве. После того как их состав прошел государственную границу, он пригласил очаровательную соседку в свое купе.

– Я боюсь за свои чемоданы, – мило улыбнулась очаровательная соседка, – говорят, что после границы в вагонах появляются различные мошенники и воры.

– Ничего страшного, – успокоил ее Костиков, – один из моих охранников все равно будет дежурить в коридоре до утра. Он проследит и за вашим купе. Не беспокойтесь.

Он подозвал к себе телохранителя.

– У нее там четыре чемодана, – напомнил Костиков, – посмотри, чтобы они не пропали. И проследи, чтобы нам не мешали.

Охранник понимающе кивнул головой. Потом незнакомка прошла в купе Костикова, и тот закрыл дверь, доставая бутылку коньяка. Они пили на брудершафт, много смеялись и много говорили. Костикову все больше и больше нравилась эта молодая женщина. На вид ей было не больше тридцати. Он уже собирался приступить к следующей стадии оболыщения, когда неожиданно почувствовал, что его клонит в сон. Он попытался сконцентрироваться, но не сумел даже произнести несколько слов. Через некоторое время он просто заснул, положив голову на подушку.

Проснулся Костиков уже утром, когда один из охранников достаточно грубо пытался разбудить его и сильно тряс за плечо.

– В чем дело? – недовольно спросил Александр Викторович. – Что случилось?

– Вы заснули, – немного виновато пояснил охранник. – А где ваши чемоданы?

Костиков посмотрел туда, где были сложены его чемоданы. И его кейс, в котором были деньги и документы. Он нахмурился. Ни чемоданов, ни кейса нигде нет. Было довольно прохладно, окно в купе приоткрыто.

– Что здесь произошло? – тяжело спросил он, отрывая голову от подушки. Голова была тяжелой и сильно болела.

– Она украла все ваши вещи, – с ужасом произнес его телохранитель.

– Как это украла? – попытался усмехнуться Костиков. – А вы где были?

– Мы были в коридоре, – пояснил телохранитель, – но оттуда никто не выходил.

– Может, ты отлучался в туалет? – предположил Александр Викторович.

– Нет. Я бы разбудил моего напарника. Я никуда не отходил, – настаивал охранник.

– Тогда непонятно, – нахмурился Костиков. Он с трудом поднялся, опираясь на руку своего телохранителя. Голова непривычно гудела.

– Выходит, она выбросила мои вещи в окно и выпрыгнула следом за ними? – невесело спросил Александр Викторович. – Прямо какая-то супервумен. А может, ты отправился спать и меня просто обокрали?

– Я никуда не уходил, – пробормотал охранник.

– Ладно, – поморщился Костиков, – сейчас проверим.

Он вышел в коридор, взглянул на закрытую дверь соседнего купе. Потрогал закрытую дверь.

– Позови проводника, чтобы он открыл нам ее двери, – приказал Костиков.

Телохранитель бросился выполнять его указание. Из другого купе вышел второй охранник.

– Стой здесь, – строго посоветовал ему Костиков.

Проводник появился быстро. Первый охранник уже сообщил ему об исчезнувшем багаже босса. Проводник открыл дверь. В соседнем купе находились четыре больших чемодана.

– Вот видите, – недовольно сказал Александр Викторович, – моя соседка не причастна к исчезновению моих чемоданов. Глупо оставлять четыре своих, чтобы забрать два моих. И я знаю, как ее найти, ведь она хозяйка известных спа-салонов.

– Давайте проверим ее вещи, – предложил более прагматичный проводник.

– Сейчас посмотрим, – тяжело дыша, произнес первый охранник. Он достал один чемодан и начал его открывать. Замок долго не поддавался, пока охранник, выругавшись, просто не сломал его. Крышка чемодана открылась. У всех присутствующих мужчин вытянулись лица. Чемодан был заполнен собраниями сочинений Брежнева и Суслова.

– Неужели она читает всю эту муру? – поморщился телохранитель.

– Не читает, – зло пояснил Костиков, – конечно, она ничего не читает. Книги нужны были для того, чтобы заполнить эти чемоданы. Я уверен, что в остальных чемоданах та же макулатура. Она нас просто здорово наколола. Мы думали, что с такими тяжелыми чемоданами и своей собачкой она просто никуда не денется. А она нас всех провела. Напоила меня клофелином, открыла окно и передала оттуда все мои вещи своему возможному сообщнику на одной из станций. А потом вылезла и сама. Вот такая умница. А мы все дураки. Нужно позвонить в банк и заблокировать мои кредитные карточки. Хотя я думаю, что они наверняка успели оттуда все снять.

– Я вызову милицию, – заявил проводник.

– Вызывай, – согласился Костиков, – так мне и нужно. Решил позабавиться с незнакомкой. И нарвался на аферистку. Век живи, век учись. Может, на книгах остались ее отпечатки пальцев? Но, судя по размаху этой дамочки, отпечатков она наверняка нигде не оставила.

– А ее салоны? – напомнил охранник.

– Она такая же Елена Щербак, как я римский папа, – огрызнулся Александр Викторович, – и такая же владелица салонов. Все это было хорошо продуманной игрой, умело спланированным мошенничеством.

Он грустно усмехнулся. Его волновали не столько пропавшие вещи, кредитные карточки или документы. Было обидно, что его так элементарно провели. Он всегда считал себя достаточно проницательным и умным человеком. А здесь так глупо подставился. Костиков взглянул на увесистые тома собрания сочинений Леонида Брежнева и криво усмехнулся.

– Смешно, – сказал он, – очень смешно.

В другом конце вагона из купе вышел «летчик», который собирался курить в тамбуре. Он прошел мимо купе Костикова, увидев хозяина чемоданов, его растерянных охранников и заметно волновавшегося проводника. И, ничего не спросив, двинулся дальше. Откуда им было знать, что он и был тем самым сообщником, который принимал эти чемоданы несколько часов назад, помогая вытаскивать их из купе Костикова.

Глава 1

Эти места были центром цивилизации две с половиной тысячи лет назад. Из истории древних веков известно, что в эти времена наибольшего расцвета достигли греческие государства, когда Рим был еще небольшим городом, а Карфаген только отстраивался. Однако греческие города находились не только в самой Греции. Кроме Афин, Спарты, Коринфа, самые известные греческие центры располагались на противоположном берегу, в Малой Азии. Города Милет, Эфес, Пергам, Смирна, ставшая много столетий спустя Измиром, даже легендарная Троя и Галикарнас были на другой стороне Эгейского моря. Здесь же сосредотачивалось и большинство из «Семи чудес света». Галикарнасский мавзолей, Родосский колосс, храм Артемиды в Эфесе считались чудесами света еще в те далекие времена. Затем тут появились римляне, на месте небольшого Византия появился Константинополь, который стал центром Восточной Римской империи и просуществовал полторы тысячи лет, а впоследствии явился центром огромной Османской империи и был назван Истанбулом. В Средние века это побережье пришло в некоторый упадок, а на месте роскошного Галикарнаса возник рыбацкий поселок Бодрум. Казалось, что слава и бывшее величие уже навсегда покинули эти места. Но в конце двадцатого века в Турции начался туристический бум, многократно усилившийся после распада Варшавского восточного блока.

Прежние курорты Болгарии и Румынии пришли в запустение, в этих странах начались экономические и политические неурядицы, распался Советский Союз, и на его месте возникли пятнадцать независимых государств, миллионы граждан которых хлынули в Турцию за дешевым сырьем и ширпотребом. Турция проводила мудрую политику. Она открыла границы для миллионов «челночников» и туристов. За счет этих гостей страна начала бурно развиваться. Несмотря на террористические вылазки экстремистов, постоянные опасности военных переворотов, дикую инфляцию в начале девяностых, экономические неурядицы, Турция сумела не только стать центром европейского туризма, но и привлечь в свою страну миллиарды долларов инвестиций и миллионы новых туристов. Все побережье Эгейского моря превратилось в один сплошной туристический аттракцион. На побережье Средиземного моря отели возникали как грибы после дождя. Строились виллы и дома, которые продавались и сдавались по смешным для европейцев ценам.

В бывшем рыбацком поселке Бодруме, где не было даже приличной трехзвездочной гостиницы еще тридцать лет назад, появилось более пятидесяти отелей, из которых почти четвертая часть считались отелями высшей категории. Учитывая, что в окрестностях Бодрума отсутствовали промышленные предприятия, а причудливая линия приморского побережья была изрезана живописными бухтами и заливами, район действительно представлял собой идеальное место для отдыха. Сухой воздух, теплое прозрачное море, роскошные отели, в которых работали десятки бывших граждан Советского Союза почти из всех союзных республик, придавали этому месту особое очарование и делали его привлекательным для многочисленных туристов, в том числе и из Западной Европы.

Отель «Принцесса Ресорт де люкс» был построен на южном побережье полуострова с использованием особенностей местного ландшафта. Кроме самого отеля, растянутого по побережью, здесь построили несколько вилл на небольшом полуострове, соединенном с территорией отеля перешейком. В результате получалась идеальная бухта для гостей отеля. Пятизвездочный отель вмещал около тысячи гостей. При этом отель работал по принципу «все включено де люкс», то есть все гости могли пользоваться шестьюразовым питанием, пить столько напитков, сколько захотят, включая алкоголь, и даже бесплатно посещать четыре ресторана, раскинувшихся на территории отеля, не считая большого ресторана, где четырежды в день сервировались столы для всех желающих.

Жанна Гринько впервые в жизни прилетела в Турцию на отдых. Ее соблазнила отправиться на курорт школьная подруга, которая уже несколько раз ездила в эту страну и возвращалась загоревшая, отдохнувшая и полная впечатлений. Алевтина Павленко была супругой депутата Верховной рады, одно время даже проработавшего в аппарате Кабинета министров руководителем отдела при прежнем правительстве. Он тогда очень помог подруге своей жены получить место старшего следователя в транспортной прокуратуре. Хотя Жанна работала в этой системе уже четырнадцать лет, попав на работу в прокуратуру еще в начале девяностых, когда зарплаты являлись просто нищенскими, и честным сотрудникам приходилось с трудом сводить концы с концами. Характер у Жанны был независимым и сложным. Может, поэтому начальство не всегда любило своего строптивого сотрудника, но ценило ее деловые качества. На счету следователя Гринько было не одно успешно завершённое дело.

За четырнадцать лет Жанна Гринько дослужилась до звания советника юстиции, что соответствовало званию подполковника. Ее карьера обещала быть достаточно удачной, и в руководстве не скрывали, что считают ее реальным кандидатом на должность прокурора отдела. Но личная жизнь Жанны не складывалась. Сказывались ее сложная работа, постоянные дежурства, общение не с самыми лучшими представителями мужского пола. По своему характеру Жанна принадлежала к людям, которые всегда видят в людях негативные стороны. Но если для следователя это не самое худшее качество, то для личной жизни такие убеждения не способствовали улучшению ее отношений с противоположным полом. У нее случались мимолетные романы, дважды Жанна пыталась завязать серьезные отношения. Но в первом случае ее избранник оказался слишком мелким и ничтожным карьеристом, а во втором – просто сбегал, не выдержав ее постоянного давления. Это случилось восемь лет назад.

Сейчас ей было тридцать семь. На нее обращали внимание мужчины. Подтянутая, стройная, самозабвенно занимавшаяся спортом (она была мастером спорта по дзюдо), Жанна сохраняла стройную фигуру никогда не рожавшей женщины. Короткая стрижка темных волос, светлые глаза, характерные скулы – ее можно было даже назвать красивой женщиной. Лишь со зрением у нее были некоторые проблемы – сказывались бессонные ночи, проведенные за оформлением материалов, передаваемых в суд. У нее было уже «минус три», но очки ее не портили, наоборот, придавали всему облику некую законченность и более интеллигентный вид. В последние годы она встречалась с художником, который был на пятнадцать лет ее старше. Они познакомились случайно, на какой-то выставке. Им было достаточно интересно друг с другом. Но впервые они близко сошлись только через полтора года после знакомства. Нельзя сказать, что они были влюблены друг в друга. Им было просто приятно проводить время вместе.

Встречались они обычно один или два раза в месяц. Для обоих эти интимные встречи являлись некой отдушиной в жизни. Он не пытался сделать ей предложение, считая, что не имеет права заставлять молодую женщину связывать свою судьбу с не очень известным и не очень удачливым художником. А ей не позволяла говорить об этом гордость. Да она и не хотела замуж – слишком много ненужных проблем и забот могло на нее обрушиться. Хотя иногда понимала, что жизнь уходит, а ей необходимо что-то решать. Женщины на пороге сорокалетия как-то особенно остро чувствуют свой возраст. С точки зрения мужчины, сорокалетний рубеж – лишь время для подведения некоторых итогов и период новых надежд. С точки зрения женщины – это некая критическая черта, за которой явственно просматривается уже не такая далекая старость.

Природа сама решила за женщину, что она может стать матерью лишь до определенных лет. Возможно, с точки зрения физиологии это оправданно, пожилая мать не в состоянии вырастить свое потомство. Но есть какое-то неравенство в том, что репродуктивная функция женщины завершается в сорок пять лет, тогда как мужчина сохраняет эти функции до преклонного возраста.

В этом году Жанна решила дать себя уговорить своей подруге и отправиться вместе с ней на отдых в Турцию. Алевтине нужна была напарница для поездки на отдых. Муж категорически отказывался отпускать ее одну, ведь раньше она ездила с его младшей сестрой. Но та уехала на работу со своим мужем в Германию и не могла составить компанию Алевтине. Путевка была очень дорогой, однако Алевтина уверяла, что этот отдых они запомнят надолго. Пришлось заплатить в туристическом агентстве часть суммы, которую Жанна откладывала на новый автомобиль. И купить себе путевку на турецкий курорт в Бодруме, в пятизвездочный отель «Принцесса Ресорт де люкс». Из Киева они прилетели в Стамбул, а оттуда уже местными авиалиниями добрались до Бодрума, где в аэропорту их ждала заказанная машина.

Алевтина была счастлива. Она словно сбросила с себя сразу десять или пятнадцать лет. Уже в Стамбуле она переделалась в очень откровенное платье, которое скорее напоминало рваное парео, чем нормальную одежду, и не скрывало ни цвета, ни фасона ее нижнего белья. Алевтина словно отрешалась от своей киевской жизни, мужа, двух детей, которых оставила на бабушку, и теперь готова была наслаждаться курортными впечатлениями.

Жанна не совсем понимала, как можно отдыхать в одиночку, будучи замужем и имея детей. Ей казалось нормальным отправиться с мужем и двумя детьми, чтобы отдохнуть всем вместе. Своими сомнениями она поделилась с подругой. Но Алевтина только рассмеялась.

– Это называется отдых, – напомнила она, – отдых от моей нудной работы, от моей семьи, от всех забот. Я имею право, хотя работаю только в статистическом управлении, а не старшим следователем, как ты. Вместе с семьей я не могу полностью расслабиться. Вот выйдешь замуж, родишь детей и сразу начнешь меня понимать. Будешь использовать любую возможность, чтобы выскочить из дома хотя бы на один день.

Жанна не стала спорить. В Бодруме их привезли в отель, в котором был заказан двухместный номер. Уже в холле отеля их приветствовал портье на хорошем русском языке. Все программы и предложения тоже были на русском. Жанна решила сразу их перечитать, но тут Алевтина толкнула ее в бок.

– Посмотри, – зашептала она, – посмотри, кто здесь отдыхает.

Мимо них прошел известный российский художник Никас Сафронов, который, очевидно, жил в этом отеле.

– Мне он не нравится, – ответила Жанна, снова опуская голову.

– Ты с ума сошла! – возмутилась Алевтина. – Это сегодня один из самых известных художников в Москве. И еще говорят, что он большой ценитель женского общества. Как можно говорить о человеке, когда ты его совсем не знаешь!

– Я не имела в виду его лично. Мне не нравится его стиль живописи. Такой современный лубок.

– Много ты понимаешь. Это ты у нас современный лубок. И совсем несовременная женщина. Ты хотя бы сейчас поняла, куда именно я тебя привезла? Здесь у тебя будет столько мужиков, сколько ты захочешь. Только шевельни пальцем.

– Не хочу я ничем шевелить, – равнодушно ответила Жанна, – пойдем смотреть наш номер.

Номер оказался светлым и просторным, с видом на море. Алевтина вышла на балкон, радостно разводя руки в стороны.

– Свобода, – выдохнула она, – свобода и отдых.

Жанна вышла следом.

– Ты ведешь себя как маленькая девочка, – упрекнула она подругу, – а тебе уже тридцать восемь.

– Тридцать семь. Я твоя ровесница, – поправила ее Алевтина.

– Тридцать восемь, – упрямо возразила Жанна, – ты на год меня старше. Я пошла в школу с шести лет.

– Твое правдолюбие тебя погубит, – улыбнулась Алевтина. В этот первый день ничто не могло испортить ее настроения. Впереди были две недели долгожданного отдыха.

– Выбери себе кровать и давай быстрее переодеваться. Пойдем искупаемся в море, пока еще светло, – предложила Алевтина.

– Прямо сейчас?

– Конечно. А чего ждать, – Алевтина начала стаскивать с себя платье, еще стоя на балконе.

Когда они надели купальные костюмы, Алевтина прыснула от смеха.

– Что у тебя за купальник? – изумилась она. – Такие закрытые купальники носили лет тридцать назад. Кто сейчас ходит в таких костюмах на пляж?

– Нормальный купальник. Я купила его в прошлом году в Харькове, – пожала плечами Жанна.

На самой Алевтине был купальный костюм, который только условно можно было назвать купальником. Это были скорее две тонкие полоски. Внизу и наверху.

– Сейчас в Европе уже все загорают топлес, вообще без верхней части, – пояснила Алевтина, – а ты как монашка.

– Здесь не Европа, – мрачно ответила Жанна, понимавшая, что ее подруга права, – здесь мусульманская страна. И мы в Азии.

– Пошли, – скорбно вздохнула Алевтина, – сейчас увидишь, какая здесь Азия. Заодно посмотришь и на купальные костюмы. Ничего страшного. У меня с собой их три. Один я могу отдать тебе.

Жанна усмехнулась. Ее подруга была слишком хорошего мнения о своей фигуре. Алевтина весила далеко за шестьдесят, и ее крупные формы выдавали в ней ее возраст. Жанна весила килограммов на пятнадцать меньше, и ей никак не могли подойти купальные костюмы школьной подруги. Они бы просто свалились с ее тела.

Вдвоем они отправились на пляж. Жанна вынуждена была признать, что ее подруга была права. Повсюду говорили по-русски и по-немецки. Было много гостей из республик бывшего Советского Союза. Женщины щеголяли в еще более откровенных купальниках, чем даже пляжный костюм ее подруги. Но одна появилась на пляже, одетая весьма странно. На ней были брюки, заправленные в какие-то тапочки, сверху длинное платье с рукавами, надетый на голову капюшон, связанный с платьем. Женщина оглянулась по сторонам и пошла в море купаться.

– Кто это? – удивилась Жанна. – Почему в таком виде?

– Ты должна была приехать с ней, – рассмеялась Алевтина, – это женщина из Ирана. Она купается только в таком виде.

– У каждой культуры свои порядки и свои традиции, – отвернулась Жанна.

Через полчаса они возвращались обратно в свой корпус. Впереди показались двое мужчин.

– Посмотри, – толкнула ее в бок Алевтина, – это, наверное, наши. Или из России.

– Нет, – уверенно ответила Жанна, – это иностранцы.

Мужчины поравнялись с ними. Они держались за руки и улыбались друг другу. На повороте они остановились и поцеловались.

– Только этого не хватало, – вздохнула Алевтина, – не понимаю я этих любителей однополый любви. Вокруг столько красивых женщин...

– Это тоже новые нравы, – усмехнулась Жанна.

– Подожди. А как ты узнала, что они гомосексуалисты?

– Я этого не знала. Я сказала, что они иностранцы.

– Ну хорошо, иностранцы. Как ты узнала, что они иностранцы? Они же были в одних плавках.

– Я же следователь, – пояснила Жанна, – значит, должна обращать внимание на некоторые детали.

– Они были в плавках, – продолжала настаивать Алевтина. – Какие детали?

– Ты разве сама не заметила? Все наши приехавшие туристы ходили сегодня на пляже в узких, обтягивающих треугольных плавках, из которых выпирают все их достоинства. А все иностранные мужчины были в длинных плавках, напоминающих удлиненные шорты до колен. Сразу бросается в глаза разница.

– Я даже не обращала внимания, – расхохоталась Алевтина, – ну ты настоящий следователь. Такая глазастая.

Они даже не могли предполагать, что именно произойдет на этом курорте и какие приключения ждут их впереди...

Глава 2

На этот раз Дронго пригласил в Турцию давний знакомый, у которого была вилла рядом с Бодрумом. Могрул Сагиров, которого все называли Моби, долгие годы работал экспертом Международного комитета ООН в Швейцарии. Согласно его статусу, у него был международный паспорт. В Москве его знали как одного из основателей Сигарного клуба, расположенного недалеко от Кремля. Моби был человеком достаточно интересным, увлекающимся. Он загорелся идеей восстановить виллу семьи Нобелей в Баку, где они проживали до революции. Немногие люди в мире знали, что основное состояние Нобелей, сделавших себе первоначальный капитал на динамите и взрывчатых веществах, принесла бакинская нефть, которую они успешно добывали вместе с Ротшильдами и Рокфеллерами еще в конце девятнадцатого века.

Даже получавшие Нобелевские премии лауреаты не подозревали о связях этой семьи с далеким Баку, со столицей Азербайджана, где во времена нефтяного бума конца девятнадцатого века появились вилла Нобелей, их дома, общежития для рабочих, столовые, школы.

Моби успешно отреставрировал запущенное здание, превратив его в своеобразный музей нобелевской семьи и даже умудрившись открыть там небольшой ресторан для своих знакомых и друзей, что придавало всему проекту некий изысканный облик. Впрочем, он всегда умел удивительно точно сочетать коммерчески успешные проекты с культурной «начинкой», когда и в Москве в рамках Сигарного клуба был открыт ресторан с хорошей кухней, а в Баку, недалеко от легендарной Девичьей башни, – Мугам-клуб, в котором действительно выступали певцы и актеры, проводились творческие вечера поэтов, писателей, композиторов и функционировал очень неплохой ресторан.

Следующим замыслом Моби было создание фильма о семье Нобелей, оставивших такой след в истории Баку и бакинской нефтедобычи. У него было много грандиозных планов. И ему очень повезло в жизни. Он был женат на прекрасной женщине, разделявшей все его увлечения и замыслы, влюбленной в культуру и литературу своего народа и поддерживающей мужа в его начинаниях.

Дронго согласился прилететь в Бодрум на несколько дней, чтобы навестить друзей на их вилле. Однако он категорически отказывался оставаться у них, предпочитая ночевать в отеле. Может быть, эта дурная привычка осталась еще с молодых времен, когда он вернулся из своей первой командировки в Индонезию. Может быть, он привычно не мог выносить даже малейшего ограничения своей свободы. Достаточно легко было узнать, что рядом с Бодрумом открылся и функционирует отель «Кемпински», являвшийся гостиницей самой знаменитой немецкой сети отелей. Если раньше Дронго предпочитал американские «Хилтоны» и «Шератоны», то со временем многие из них превратились в стандартные номера, уже не отвечавшие представлениям о комфорте в пятизвездочных отелях. «Хилтон» начал экономить на мойке полотенец, предупреждая гостей о вреде частой стирки, при которой употребляются вредные стиральные порошки. А вместо шампуней и гелей, упакованных в красивые футляры, начал выставлять похожие на шприцы упаковки, которые гости не могли забирать с собой даже в качестве сувениров. Но они не могли ими и пользоваться, так как жидкость из этих «шприцов» вытекала, как только оказывалась в горизонтальном положении.

«Кемпински» все еще сохранял свою марку в Европе и в мире, полностью соответствуя представлению придирчивых туристов о настоящем комфорте в хорошем пятизвездочном отеле. Поэтому, заказав себе номер, Дронго прилетел в Бодрум вечером в пятницу, чтобы немного отдохнуть и в воскресенье навестить своих друзей на вилле.

Отель оказался выше всяких похвал. Электрические кары отвозили гостей к собственному пляжу. Потрясающая кухня под руководством итальянского шеф-повара Никколо Лекки могла удовлетворить вкус любого гурмана. В отеле было тихо и спокойно, несмотря на август

месяц. Сам отель был построен в виде корабля, несущегося в море, и почти все номера спроектированы таким образом, чтобы гости как можно реже видели друг друга. Достаточно сказать, что к разным номерам на различных этажах вели свои лифты.

Дронго подумал, что следующим летом сюда нужно будет прилететь вместе с Джил и детьми – настолько ему понравилась расслабляющая атмосфера отеля и воздух в этих местах. Днем он спустился в библиотеку, расположенную на один уровень выше центрального ресторана. Библиотека была на семьдесят процентов укомплектована книгами на русском языке. При этом никого из обслуживающего персонала в библиотеке не было. Вы могли забрать любую книгу или десять книг и по своему желанию вернуть их, когда хотите. Или не вернуть вообще, оставив себе понравившееся издание.

Он с удовольствием выбрал несколько книг, которые не сумел купить в магазинах Москвы, чтобы вечером просмотреть у себя в номере. И услышал громкий голос у себя за спиной:

– Где еще можно найти такого знаменитого эксперта, как ты? Конечно, только в библиотеке!

Дронго обернулся. Он сразу узнал этот голос. Генерал Павел Анатольевич Татаренко был его давним и хорошим знакомым. Высокого роста, светлоглазый, светловолосый, широкоплечий, генерал до сих пор нравился женщинам, хотя на протяжении всей жизни сохранял верность своей супруге. Генерал работал в Министерстве внутренних дел Украины еще с восьмидесятых годов и был одним из тех профессионалов, на которых всегда держалась сама система органов внутренних дел. Такие люди, как Татаренко, приходили на работу в милицию по призыванию и оставались в ней до пенсии. Они искренне верили в некие идеалы, которые умудрялись пронести через всю жизнь, несмотря на сложности и испытания нелегкой службы. Татаренко начал работу в уголовном розыске ровно двадцать семь лет назад. И быстро выдвинулся, став заместителем, а затем и начальником уголовного розыска. Он никогда не был «добреньким» и мог заехать нахамившему ему уголовнику по морде, что, безусловно, являлось нарушением закона. Он мог жестко отдать приказ не брать живым подонка, осмелившегося зарезать его сотрудника, отца двух малолетних девочек. Но он был справедливым, а в блатном мире таких профессионалов уважают. Он никогда не подставлял своих агентов ради дешевой славы или сиюминутной выгоды, никогда не сдавал своих осведомителей, держал слово и не брал деньги у уголовников. Словом, это был тот самый правильный «мент», которые иногда встречаются в природе, несмотря на все изменения последних лет.

И хотя с высоким начальством Татаренко не умел ладить и приспособливаться, но генерала он заслуженно получил в свои сорок семь лет, став одним из руководителей управления уголовного розыска Украины. Они были знакомы с Дронго уже много лет, и оба ценили друг в друге профессионализм и порядочность, столь редко встречающиеся в наше время качества.

– Добрый день, товарищ генерал, – повернулся к нему Дронго, обнимая своего друга, – как у тебя дела? Каким образом ты оказался здесь?

– Случайно, – улыбнулся Татаренко, – приехал с супругой на одну неделю отдохнуть в «Принцессу». Это такой отель на другой стороне полуострова. Огромных размеров, и там масса народу. Такое ощущение, что туда приезжают только гости из стран СНГ. Везде говорят только по-русски. Причем все. И наши хохлы, и ваши кавказцы, и даже представители Средней Азии.

– Удобно, – согласился Дронго, – есть язык, на котором можно общаться и который все понимают. А что ты делаешь здесь?

– Я же говорю, что случайно. У моей супруги нестандартная фигура, – зашептал Татаренко, – и все купальники ей оказались не очень по размеру. И она приехала сюда, чтобы выбрать себе новый. Нам посоветовал портье. Он хорошо говорит по-русски. Парень не знал, что моя благоверная знает их язык. Очень удивился. Но сказал, что здесь самый лучший магазин. Хотя там такие цены! Просто зверские. Раз в сто дороже, чем у нас в «Принцессе».

– Правильно, – кивнул Дронго, – здесь вообще бутик с такими дикими ценами. Но зато вещи самые лучшие. Где твоя супруга? Пойдем, я хотя бы с ней поздороваюсь.

– Не сейчас, – сделал большие глаза Татаренко, – иначе она будет стесняться. Пусть выберет себе купальный костюм, а мы потом к ней подойдем.

Генерал выбрал себе супругу, еще когда учился с ней в школе. Они сели за одну парту в пятом классе и с тех пор никогда не расставались друг с другом. И если в идеальную гармонию между людьми невозможно поверить, то это был как раз тот случай, когда гармония была почти близка к идеалу. В этом есть какая-то невероятная загадка, когда люди знакомятся еще в школьном возрасте, а затем проносят свои чувства через десятилетия, через студенческие годы, через молодые увлечения, через кризисы среднего возраста и остаются вместе на всю жизнь. А может, чувство любви просто существует, и оно из детской привязанности перерастает в чувство единого целого со своим партнером?

У Павла Анатольевича и его супруги были уже взрослые дети и внуки. У сына родилась дочь, а у дочери – сын. И теперь супруги Татаренко были не только счастливыми родителями, но и еще более счастливыми дедушкой и бабушкой.

– А ты каким образом здесь оказался? – поинтересовался Татаренко.

– Приехал к друзьям, – пояснил Дронго, – у них здесь рядом вилла. Они пригласили меня к себе на выходные. Но я не хочу их стеснять. Поеду к ним в воскресенье. А пока решил снять номер в этом отеле.

– Ты у нас всегда был буржуем с замашками гнилого аристократа, – пробормотал, улыбаясь, Татаренко, – хотя я читаю лекции для наших молодых офицеров по твоим расследованиям. Честное слово. У нас все наши выпускники знают, кто такой Дронго.

– Поэтому, появляясь на Украине, я скрываю эту кличку, – усмехнулся Дронго, – ты создал мне ненужную популярность.

– Это ты сам создал, – возразил Татаренко, – своими расследованиями. Между прочим, завтра ты свободен? Завтра суббота?

– Наверное, да. А почему ты спрашиваешь?

– Меня пригласил к себе в гости начальник полиции области. Господин Джемал Азиз. Или, как они говорят, глава полиции «вилаята». Так, кажется, звучит по-турецки. Мне жена все время говорит, что у азербайджанцев и турков почти одинаковый язык. Ты ведь знаешь, что она у нас филолог, специалист по тюркской литературе.

– Правильно говорит. Почти одинаковый. А откуда он тебя знает?

– Он раньше работал в их Министерстве внутренних дел в Анкаре. И приезжал к нам дважды с делегациями. Вот тогда мы и подружились. Молодой симпатичный парень. Ему нет еще и сорока. Но такой настоящий западник и либерал. Нынешнюю правящую религиозную партию на дух не переносит. Считает, что они отходят от традиций основателя республики Ататюрка. Кстати, забыл сказать самое важное. Он учился четыре года в США. И прекрасно говорит по-английски.

– У них в руководстве армии и спецслужб все такие «западники», – пояснил Дронго, – между прочим, в их Конституции указано, что армия является гарантом светского развития государства. Поэтому армия уже четырежды совершала перевороты, каждый раз подправляя слишком радикальных политиков. Между прочим, сам Ататюрк был ярким сторонником западного пути развития. Запретил исламские суды, старую одежду, вмешательство религиозных деятелей в светскую жизнь, даже поменял алфавит с арабского на латинский. И гордился тем, что в столице Анкаре есть только две мечети.

– Был светским человеком, – улыбнулся Татаренко, – он же был генералом, значит, был смелым и честным человеком.

– Тут я с тобой не соглашусь. Ты действительно считаешь, что все генералы автоматически смелые и честные люди?

– Нет, – помрачнел Павел Анатольевич, – к сожалению, не все. Ох, как ты прав. Даже не знаешь, как ты прав. Иногда встречается такая мразь, такая дрянь! Думаешь, как же он мог дослужиться до такого высокого звания. Неужели все предыдущие годы был таким же подлецом? Лгал, подличал, обманывал своих коллег, был законченным негодяем. Я понимаю, конечно, что не все наши коллеги – ангелы, понимаю, что работа трудная, каждый день имеешь дело с человеческой подлостью, с отбросами общества. И сам невольно становишься похожим на них. Но все равно есть какая-то черта, которую невозможно переступить. Предать своих сотрудников, сдавать своих людей, обманывать товарищей, зарабатывать деньги на чужой крови.

– Похоже, у тебя проблемы...

– У нас у всех проблемы. Ты же знаешь, что творится у нас в стране последние несколько лет. Одно дело Гонгадзе чего стоило! Такой позор на весь мир. Мы ведь знали, кто и почему отрезал ему голову. И кто приказ об этом отдавал. Все знали. Я ведь сам из Днепропетровска. Для меня Кучма был таким человеком. Почти легендой. Все мои родственники на его предприятии работали. А потом он стал президентом. Мы так в него верили... Сейчас даже лучше не вспоминать. Когда же он ушел, то оставил нам такие проблемы... До сих пор расхлебываем. И вот недавно я узнаю, что его дочь купила в Лондоне дом за сто сорок миллионов фунтов. Что нам теперь об этом думать?

– Его зять достаточно богатый человек, – напомнил Дронго. – Что странного в этой покупке?

– Я знаю, что богатый. Но ведь миллионы людей верили в своего президента. Как теперь им объяснить, что зять заработал деньги на своем бизнесе? Они ведь все равно не поверят. Не нужно было так явно демонстрировать свое благосостояние.

– У каждого свои представления об этике, – напомнил Дронго, – а ты становишься пессимистом.

– Ты не следишь за нашей ситуацией? – вместо ответа спросил Татаренко. – Постоянные политические кризисы отражаются и на нашей работе. Растет преступность, становится просто трудно работать. Не знаешь, какой министр внутренних дел завтра придет к нам в качестве политкомиссара.

К ним подходила супруга Татаренко. Дронго скрыл улыбку. За время после их последней встречи Лидия действительно ощутимо поправилась. Хотя есть такие женщины, которых невозможно себе представить с осиной талией. Им даже идет некоторая полнота, придающая им жизнерадостный вид. Лида подошла к ним.

– Добрый день, – весело поздоровалась она.

– Здравствуй, – поцеловал ей руку Дронго, – я даже не ожидал вас здесь увидеть.

– Мы сейчас уезжаем, – вздохнула Лида, – а мне здесь понравилось. В нашем отеле просто «Детский мир». Полно людей и детей, и каждую ночь какие-то шумные дискотеки. Зато здесь тихо и спокойно. Нужно было брать путевку в этот отель, – сказала она мужу.

– В следующий раз возьму сюда, – покорно кивнул он, – пойдем быстрее. Нас ждет такси.

– Давайте сделаем иначе, – предложил Дронго, – мы отпустим машину, и вы останетесь здесь. Еще часа на два. Между прочим, здесь есть единственный в Турции вьетнамский ресторан. Что-то мне подсказывает, что вы никогда не были во Вьетнаме.

– Не были, – улыбнулась Лида, – но ты меня едой лучше не соблазняй. Видишь, как я раздалась? Уже даже неприлично...

– Ты всегда будешь самой красивой женщиной в вашей стране, – деликатно заметил Дронго.

– Не лги, – погрозила она пальцем, – я ведь жена генерала. Сразу чувствую, когда мне говорят неправду.

– Не буду, – согласился Дронго, – но давайте вместе пообедаем. А потом вызовем такси, и я вас провожу. Если разрешите, то я даже поеду вместе с вами. Интересно будет посмотреть, где именно вы живете.

– Чего там интересного? – пожал плечами Татаренко.

– Всегда любил «Детский мир», – признался Дронго, – интересно посмотреть. Значит, договорились?

– Конечно, – Татаренко обратился к жене, – я отпущу машину, а вы подождите меня здесь. Я сейчас вернусь.

– Давай быстрее. Ты взял наши паспорта с собой?

– Конечно. И кредитные карточки.

– Ну тогда все в порядке, – вздохнула жена.

– Не нужно об этом, – мрачно попросил Татаренко, быстро отходя от них.

– Что случилось? – спросил Дронго.

– У нас соседей ограбили вчера вечером, – пояснила Лида. – Кто-то залез в их номер и вскрыл сейф. Забрали документы и ценности. Я еще понимаю, когда воруют разные там камушки, но зачем брать чужие паспорта, создавать людям неприятности? Павел говорит, что в других странах паспорта специально подкидывают к месту ограбления, чтобы помочь несчастным. А здесь словно кто-то нарочно забрал документы.

– Забрали паспорта? – не поверил Дронго. – А кто были ваши соседи? Местные?

– Нет. Из России. Из Воронежа. Так жалко. Отец, мать и дочь. Дочери еще только шестнадцать, но у нее тоже был свой паспорт. И все забрали. Соседка мне говорит, что ей не жалко денег и колечек. Им неприятно, что украли документы. Там были визы в Европу, куда они должны были лететь из Турции. Ее муж – человек состоятельный, он, по-моему, вице-губернатор Воронежской области. И тоже не особенно переживает из-за денег и украшений. Но из-за паспортов у них срывается важная поездка. Поэтому они так переживают. Следователь турецкий приезжал, говорит, что это уникальный случай на таком курорте и в этом отеле. Никогда раньше такого не было.

– Иногда случаются подобные вещи, – задумчиво заметил Дронго, – но я не думаю, что это местные воришки. Они бы побоялись лезть в отель такого класса. Странное преступление. И тем более воровать документы... Зачем им российские иностранные паспорта?

– Павел тоже говорит, что это очень странное преступление, – согласилась Лида, – поэтому я ему сказала, чтобы ничего не оставлял в сейфе отеля. Ни документов, ни денег. Хотя какие у нас деньги? Все на карточках, а наличных у нас только шестьсот долларов. Зато деньги нам и не нужны. В нашем отеле все заранее оплачивается. Даже выпивка. Павел пиво любит, сидит в баре и заказывает для себя. Так удобно, что все включено в цену.

– А следователь не сказал, кого они подозревают?

– Нет, конечно. Нас только спросили, где мы вчера были. А нас вчера в номере не было. Мы как раз гуляли вечером у моря. И ничего не слышали.

Татаренко вернулся к ним.

– Я отпустил машину, – сообщил он, – мы можем остаться.

– Очень хорошо, – Дронго показал в сторону вьетнамского ресторана. Они еще не знали, что как раз в это время в другом отеле планируется очередное преступление...

* * *

За три месяца до описываемых событий.

Следователь Семен Гриценко недовольно осматривал купе. Его подняли ночью на очередное происшествие, случившееся в московском поезде, следовавшем в Крым. Гриценко только недавно перевели в Харьков, до этого он работал в Полтаве, где было гораздо спокойнее.

Уроженец западной Львовской области, Гриценко вообще с подозрением относился ко всем «москалям», которые только и мечтали задушить «самостийную Украину» и снова принудить к «рабству» весь украинский народ. Каждое происшествие на московских поездах он воспринимал почти как личное оскорбление. Здесь чаще всего случались различные случаи воровства, грабежей, мошенничеств, обманов. Следовавшие на юг гости, словно сговорившись, теряли всякую бдительность, доверяли первым встречным, пили с кем попало, часто забывая даже имя своего случайного попутчика. Гриценко закончил осмотр купе и наконец посмотрел на хозяина исчезнувших вещей.

– Костиков Александр Викторович, – взглянул он на паспорт сидевшего перед ним мужчины, – нетактично получается. Как это вы пустили в свое купе постороннего человека?

Десять лет назад в одном из фильмов он услышал слово «тактичность» и попросил коллегу пояснить, что это значит. Слово ему так понравилось, что теперь он применял его как можно чаще.

Костиков с явным раздражением и презрением смотрел на этого тугодума, говорившего с явным украинским акцентом. Ему было не жаль пропавших вещей и денег, его раздражало, что молодая женщина кинула его, как обычного лоха. К тому же они теряли время, так как поезд был остановлен.

– Мне понравилась эта девушка, и я пригласил ее в свое купе, – пояснил Костиков, – я не знал, что по украинским законам это преступление.

– Это не преступление, – не понял сарказма Гриценко, – но нужно думать, прежде чем звать незнакомую дамочку в свое купе. Нетактично получается. Вы ведь не один ехали, а сразу с двумя охранниками. И так нетактично подставились.

– Тактично или нетактично, это мое дело, – зло перебил его Костиков, – а ваше дело – искать преступников. Как она могла вылезти из вагона на скорости? Выпрыгнула в окно и выбросила мои вещи! Может, ее тоже где-нибудь убили? Вы это хотя бы проверили!

– Все проверим, – кивнул Гриценко, – дамочка, видимо, вас опоила и потом дождалась остановки. Чтобы не дергать ваших охранников, она вытащила чемоданы через окно. Видимо, на перроне находился сообщник. У нас уже было несколько таких случаев. Не нужно звать к себе этих дамочек и пить с ними спиртное. Они как наживка для ловца. Симпатичные, грудастые, фигуристые. Ну и ваш брат, понятное дело, сразу клюет.

– Спасибо за объяснение, – кивнул Костиков. – И это все, что вы можете мне сказать?

– Будем искать, – пообещал Гриценко, – заберем ее чемоданы, может, там остались отпечатки пальцев. Хотя лично я сомневаюсь. Группа работает очень тактично, стараются следов не оставлять.

– Почему вы думаете, что она была не одна?

– Уже третий случай с этими дамочками, – пояснил Гриценко, – работает опытная группа. По мелочам не балуются, только на крупную добычу, как вы. Сколько у вас пропало денег и вещей?

– Не знаю. С кредитками, может, тысяч сто или больше, – нахмурился Костиков.

– Вот видите, – покачал головой Гриценко, – очень крупный куш. Как это ваш охранник ничего не услышал? Вы ведь говорите, что он всю ночь простоял в коридоре.

– Это он так говорит, – криво усмехнулся Костиков, – сейчас я его позову. Коля, зайди к нам!

Первый из охранников, который дежурил ночью в коридоре, вошел в купе, понуро опустив голову.

– Где ты был ночью? – спросил Костиков. – Вот господин следователь не понимает, как это ты ничего не услышал. Может, задремал? Или не хотел слышать?

– Я стоял в коридоре, – ответил Николай.

– И ничего не слышал... – прищурился Костиков.

– Я же вам говорил, Александр Викторович, что ничего не слышал. Я и не пытался прислушиваться. Думал, что вы с ней в купе... Я даже отошел на несколько метров.

– Какая скромность, – брезгливо заметил Костиков, – пошел вон, сукин сын. Ты уволен. Больше у меня не работаешь.

– Но, Александр Викторович...

– Вон отсюда! Чтобы я тебя больше не видел, – махнул рукой Костиков.

Телохранитель вышел из купе. Гриценко вздохнул. Эти богатые нувориши похожи друг на друга. И местные, и приезжие. Одинаково беспощадные, злые, равнодушные к людям и презирающие окружающих.

– У вас ко мне все? – спросил Костиков. – Или я должен рассказывать вам свою биографию? Может, заполнить для вас какую-нибудь анкету, где я обязан отвечать на все ваши вопросы? Например, какими болезнями переболел в детстве?

– Не нужно, – ответил Гриценко, – мы все проверим через информационный центр МВД. Обычно господа с вашими деньгами всегда числятся в картотеке МВД, – не удержался он от колкости.

– Хотите меня еще и оскорбить? – взглянул на него Костиков, не скрывая своего презрения. – Думаете, что если я богатый человек, значит, обязательно жулик?

– Нетактично говорите, – заметил Гриценко, – хотя это ваше дело. Мое дело – искать преступников, как вы правильно заметили. Только в следующий раз не нужно знакомиться со случайными попутчицами и звать их к себе в купе. А парня вы напрасно уволили, он ни в чем не виноват. Эти мошенники работают с учетом вашей психологии...

– Учту, – сжал зубы Костиков, – считаете, что они приняли меня за лоха и решили, что можно развести? Вы это хотите сказать?

– До свидания, – не стал ничего уточнять Гриценко, – и учтите, что, если вы понадобится, вам нужно будет приехать в Харьков еще раз. Если, конечно, мы сумеем выйти на эту группу.

– Обязательно приеду. Брошу все свои дела и ради ваших жуликов примчусь к вам в Харьков. Или вообще переселюсь в ваш город и приму ваше гражданство. До свидания...

Костиков долго не мог успокоиться. Мало того, что его так нагло обманули, мало того, что эта незнакомая дрянь сумела его так легко напоить, так еще и следователь смеет над ним издеваться. И вообще он теперь станет посмешищем в глазах своих друзей и коллег. Они и так вечно смеялись над ним, когда он ездил в Европу на поезде. А здесь вообще превратится в объект постоянных издевательств. Его обокрали, когда он ехал на юг с двумя телохранителями. Они все, трое мужиков, оказались глупыми идиотами. Кретинами, которых провела одна баба. Одна красивая сучка ловко их кинула! Хотя этот Гриценко говорит, что обычно работает целая группа... Наверняка у нее был сообщник, который помогал ей с вещами.

Костиков сжал кулаки. Она ведь видела, с кем имеет дело, но не побоялась пойти на кражу. Не побоялась его напоить. Значит, наказание должно соответствовать преступлению. Он потерял деньги, но это не самое главное. Его никто не должен считать лохом, никто не должен над ним смеяться. Это самое главное!

Он достал мобильный телефон. На секунду задумался. Номер, по которому он собирался звонить, был в его записной книжке. Но он колебался. Если сейчас он наберет номер, то потом пути назад уже не будет. Это он отлично сознавал. Был услышен гнусавый голос Гриценко. Следователь допрашивал в соседнем купе его телохранителей. Костиков выругался и решил позвонить.

– Вадим, здравствуй.

– Доброе утро, – обрадовался его знакомый, – сейчас только восемь часов утра. Я не думал, что вы так рано встаете, Александр Викторович. Что-нибудь случилось?

– Да, случилось, – выдохнул Костиков, – у меня неприятности. Не очень большие, но неприятности. Кто-то посмел украсть мои чемоданы.

– Вы шутите? – не поверил Вадим. – У вас же всегда есть рядом ваши ребята. Или вы были без них?

– Не в этом дело. Мне нужен твой знакомый. Ты понимаешь, о ком я говорю?

– Не совсем. Про кого вы говорите?

– Мне нужен Знахарь, – процедил Костиков.

– Вы правда хотите, чтобы я ему позвонил? – дрогнувшим от неожиданности голосом спросил Вадим.

– Прямо сейчас.

– Сейчас нельзя. Это будет проявлением неуважения. Только после десяти или одиннадцати. Я позвоню его человеку и спрошу, сможет ли он со мной переговорить. Что ему сказать?

– Он мне нужен.

– По какому вопросу? Они обязательно спросят...

– По личному.

– И вы хотите сами с ним разговаривать? – все еще не мог поверить Вадим.

– Да, да, я сам буду с ним разговаривать. И он мне нужен как можно скорее. Ты меня понял? Как можно скорее! Позвони прямо сейчас. Речь идет об очень крупной сумме. Я думаю, что он может поднять свою задницу с постели и позвонить мне...

– Не говорите так, – испугался Вадим, – Знахарь такой авторитетный человек...

– Это я для тебя авторитетный, – перебил его Костиков, – а он обычный вор. Пусть даже вор в законе, авторитетный вор. И если я его ищу, значит, он мне нужен. И не задавай больше идиотских вопросов. Чем быстрее ты его найдешь, тем будет лучше. Ты все понял?

– Конечно. Можно ему дать ваш телефон?

– Я только об этом тебя и прошу. Или мне дай его телефон. Скажи, что очень важное дело. Срочное и важное.

– Хорошо, я все передам. Но только немного попозже. Еще очень рано. Извините, – Вадим попрощался и отключился.

Костиков убрал телефон. Если понадобится, он даже вернется в Москву. Никто не смеет так с ним обращаться. Никто не смеет нагло красть его вещи и кредитные карточки. Он преподнесет урок этим подонкам, чтобы все остальные запомнили на всю жизнь. Есть жертвы, которых нужно и можно грабить, есть масса людей в этом мире, предназначенных быть жертвенными овцами на заклание. Но не он. И поэтому он нашел Вадима, который имел две судимости за фарцовку и мошенничество, чтобы выйти на одного из самых авторитетных руководителей преступного мира. Костиков понимал, что предпринимает чрезвычайно опасный шаг, способный привести к очень печальным последствиям. Но он сознательно шел на эту авантюру.

Гриценко закончил дознание и разрешил поезду двигаться дальше. Он приехал в управление, когда там оказались высокие гости из Киева. Утром к ним пожаловали полковник Олег Кравцов и старший следователь транспортной прокуратуры Жанна Гринько. Повторявшиеся с пугающей периодичностью преступления на транспорте вызвали интерес в столице, и в Харьков решено было командировать сотрудников из центральных аппаратов МВД и прокуратуры республики. Уставший Гриценко доложил о последнем преступлении, произошедшем в поезде сегодня ночью. Этот случай особенно заинтересовал прибывших гостей. Преступники обнаглели до такой степени, что не побоялись взять багаж даже у олигарха, которого охраняли двое телохранителей. Гриценко пришлось в течение полутора часов подробно рассказывать об этом преступлении и отвечать на вопросы.

– Интересно, – сказал в заключение полковник Кравцов, – дерзко и очень ловко. Мне особенно нравится их затея с тяжелыми чемоданами, набитыми книгами, которые они оста-

вили в своем купе. Расчет был правильный. Телохранители будут уверены, что она никуда не уйдет, ведь для этого нужно вынести тяжелые чемоданы. Очень здорово все придумали.

– Видимо, готовились заранее, – согласилась Жанна Гринько.

– Тогда у меня другой вопрос, – продолжал Кравцов. – Как они заранее могли просчитать, что поедет именно Костиков со своими чемоданами? Получается, у них мог быть осведомитель среди близких людей Костикова. Но это нелогично. Они не могут грабить только своих знакомых или внедрять к ним своих людей. Тогда каким образом они заранее узнают о поездках особых клиентов? В кассе их не могут информировать, там просто продают билеты на фамилии, указанные в паспортах. А в паспортах не написано, что этот человек богатый или бедный. Откуда они узнают, кого следует грабить? Если у них заранее готовы эти чемоданы с книгами, на которых, я уверен, мы не найдем их отпечатков пальцев. Каким образом?

– Фамилии... – пояснила Жанна. – Вы обратили внимание на фамилии людей, которые оказываются рядом с пострадавшими? Это уже третий случай. В первом был мужчина с молдавской фамилией Крачун, во втором случае у брюнетки, которая напоила генерала, была еврейская фамилия Лернер, в третьем – украинская Щербак. Вы не видите сходства?

– Я вас не совсем понимаю, – ответил Кравцов.

– Они берут билеты в спальные вагоны по подложным паспортам, – пояснила Гринько, – и всегда на те фамилии, которые могут быть и у мужчины, и у женщины. Обратите внимание – Крачун, Лернер, Щербак. Если появляется «нужный» клиент, то, очевидно, уже на вокзале они оперативно принимают решение. Это может быть и Елена Щербак, но при необходимости и Евгений Щербак, который в последний момент заменит свою знакомую. Смотря по обстоятельствам. В первом случае обокрали двух мужчин, с которыми выпивал неизвестный нам Крачун. Возможно, они поняли, что к этим двум мужчинам, отправлявшимся гулять на юг, нужно подставить не красивую женщину, которую те не смогли бы поделить, а собутельника – мужчину. А во втором и в третьем случае была женщина. Красивая женщина. Анна Лернер и Елена Щербак. Возможно, одна и та же, хотя в первом случае она была брюнеткой, а во втором – блондинкой.

– В билетах указывают полное имя пассажира, – напомнил Кравцов.

– А в компьютерных данных, которые передаются на погранслужбу и в таможену, обычно указываются только фамилии и инициалы, – возразила Жанна, – тогда получается, что все правильно. Границу должен проехать пассажир под фамилией Щербак. Никто из пограничников никогда не сверяет паспорта с билетами. Это просто не их дело. Они отвечают за документы, а проводники за билеты. Вот такая интересная деталь.

– Похоже, что так, – кивнул Гриценко, слушая старшего следователя прокуратуры. Ему понравились ее рассуждения. Чувствовалось, что эта молодая женщина знает свою работу.

– Мы можем передать данные на нас двоих, – продолжала Жанна, – к вам приедут пассажиры Гринько и Гриценко. Кто из них мужчина, а кто женщина? Главное, чтобы фамилии совпали по паспортам. Уже на вокзале преступники решают, кто именно поедет. Вычисляют жертву, намечают, кого из своих подставить. И этот человек отправляется в путь, имея «свой» паспорт и готовый действовать уже в составе группы. Нужно проверить всех пассажиров всех составов, в которых случались кражи или ограбления за последние несколько месяцев.

– Вы представляете, что это за работа? – спросил Гриценко.

– Представляю, – кивнула Жанна, – но иначе мы группу не вычислим. Нужно договориться с московскими коллегами и организовать дежурство на вокзале. Обратит внимание на возможных осведомителей преступной группы. Они действуют слишком нагло и ловко. Очевидно, ими руководит достаточно опытный преступник.

– Вы правы, – согласился Кравцов, – будем проверять всех пассажиров. Получим списки, начнем сверку. И будем искать эту исчезнувшую блондинку-брюнетку. Судя по всему, она производит впечатление на мужчин. По мелочам не работает. В прошлый раз был генерал-полков-

ник со своим адъютантом, которого он отправил в ресторан. Когда адъютант вернулся, дама уже испарилась, забрав все награды с парадного кителя генерала и все его деньги. А наш бра-
вый генерал имел на парадном мундире шесть боевых орденов и геройскую звезду. На войне
он был человеком смелым и мужественным, а в жизни оказался доверчивым и наивным. В
этот раз она обманула российского олигарха. Если пойдет такими же темпами, то следующим
должен стать либо губернатор, либо министр.

– Не станет, – сказала Жанна, – нужно как можно быстрее организовать дежурство на
московских вокзалах. Обратите внимание, как они точно рассчитывают свои действия и грабят
не возвращающихся с юга пассажиров, а следующих на юг туристов, у которых наверняка есть
деньги.

– Тогда у них и паспорта поддельные, – вставил Гриценко. – Нетактично получается.
Выходит, что у них такой запас российских или украинских паспортов?

– Само собой, – кивнула Жанна, – с этим у них как раз проблем не бывает. И все эти
паспорта нам тоже нужно проверить. Сделаем запрос по их номерам в Москву и в Киев. Я
почти убеждена, что паспорта настоящие. Они не станут рисковать и подделывать документы.
Скорее паспорта были куплены или украдены у реальных людей.

Они провели в Харькове два дня. Жанна Гринько не могла знать, что с продолжением
этого дела ей придется столкнуться через три месяца в Турции. Но тогда этого не могли пред-
полагать даже участники той самой преступной группы, которые так ловко проводили свои
операции на транспорте...

Глава 3

В этот день они провели у моря гораздо больше времени. Сначала долго натирали друг друга специальным солнцезащитным кремом, затем больше часа лежали под жарким солнцем. Здесь был действительно хороший климат и сухая погода. Несмотря на жару почти в тридцать пять градусов, обе женщины даже не потели. Затем они купались в море, наслаждаясь теплой водой. Алевтина делала большие глаза и показывала в сторону двух мужчин, плававших от них метрах в двадцати. Им было лет тридцать пять – сорок. Самое приятное, что они негромко переговаривались по-русски и имели нормальные плавки в виде удлиненных шорт, а не те треугольники, в которых щеголяло большинство соотечественников молодых женщин.

– Они отдыхают вдвоем и без подруг, – шепотом сообщила Алевтина, – я видела их за завтраком. Такая интересная пара. Нужно с ними познакомиться. Кажется, твои наблюдения оказались не совсем точными. Они выглядят очень цивилизно.

– Я тоже их видела за завтраком, – кивнула Жанна, – но ты не обольщайся. Один из них говорил с Ригой. Очевидно, они из Латвии.

– Тем более. Наши иностранцы. Просто идеальный вариант. Нужно будет познакомиться.

– Неудобно, – смутилась Жанна, – они даже не смотрят в нашу сторону.

– Еще как смотрят. Просто ты, как обычно, ничего не замечаешь. Все, что касается личной жизни, у тебя как темная повязка на глаза. Два роскошных экземпляра. Нужно брать, пока не поздно. Потом упустим, «подберут» другие.

– Если бы я не знала тебя столько лет, то решила бы, что ты просто развязная баба без тормозов, – зашипела в ответ Жанна. – Ну и зачем они нам нужны? Спать с ними мы не будем, флиртовать в нашем возрасте глупо, и вообще они нам не нужны. Они нас даже в ресторан здесь пригласить не смогут, все оплачено и все бесплатно.

– Это я их в ресторан позвать могу, – обиделась Алевтина, – я тебе серьезно говорю, а ты все шутишь. Может, ты свое счастье здесь на курорте найдешь.

– Ой, вряд ли, – не поверила Жанна, – один из них вообще лысый, такой плюгавенький, а другой какой-то угловатый, и манеры его меня откровенно смущают. Как будто официант или швейцар. У него такое подобострастное выражение лица! Тебе не кажется, что они просто приехали сюда по профсоюзным путевкам, как раньше было в советское время? Может, им в Латвии тоже кто-то покупает путевки. Это явно герои не нашего романа.

– Дура, – обиделась Алевтина, – сейчас нет профсоюзных путевок, и в отели такого класса твои «швейцары» не попадают. Слишком дорого. Тебе бы поменять свой купальный костюм, и ты будешь выглядеть так, что все мужчины будут твои. Не хочешь взять один из моих, значит, тебе нужно купить новый. Там, как раз за баром, есть магазин. Прямо сейчас пойдем и тебе купим. Я сама тебе выберу новый купальник. Вечером эти двое будут ползать у твоих ног.

Жанна смущенно улыбнулась. Похоже, подруга была права. Решительная и смелая в работе, Жанна терялась в личной жизни, словно преодолевая свои комплексы никогда понастоящему не любимой женщины. Через полчаса они выбирали в магазине купальник, который решила приобрести Алевтина. На взгляд Жанны, это был вообще не купальный костюм, а две тонкие полоски, не только ничего не скрывавшие, но и, наоборот, демонстрирующие все, что только можно было продемонстрировать. Задняя часть вообще оставалась открытой.

– Я его не куплю, – твердо сказала Жанна, – в таком виде я никогда в жизни не смогу появиться на пляже.

– Я его тебе сама куплю, – уверенно произнесла Алевтина. Она, не торгуясь, заплатила и взяла купальник.

Во время обеда эта парочка друзей из Латвии оказалась рядом с ними. Алевтина сделала большие глаза и показала на них подруге.

– Ты видишь, как они на нас смотрят? Когда встречаешься с ними глазами, не старайся их пересмотреть. Отводи так томно глаза, как бы стеснясь. Ты ведь всегда смотришь так, словно хочешь сделать дырку в мужчине. Не нужно. Забудь, что ты следователь. Смотри не вызываясь прямо, а как бы завлекающе.

– Откуда у тебя такой опыт? – улыбнулась Жанна. – Вот узнает твой муж о твоих советах, представляю, что он подумает.

– Нужно иногда отдыхать и от мужа тоже, – победно произнесла Алевтина, улыбаясь соседям. Мужчины улыбались в ответ. Но не решались подходить к ним.

Ближе к пяти часам вечера, когда все отправлялись на пляж, Алевтина достала новый купальник.

– А теперь примерь его, – потребовала она у своей подруги.

– Ни за что в жизни! – возмутилась Жанна. – Я даже перед тобой стесняюсь показываться в таком виде. А ты хочешь, чтобы я надела его и пошла на пляж? Я буду чувствовать себя голой.

– В следующем году поедем в Германию, – решила Алевтина, – там, между прочим, в саунах купаются голыми. И мужчины, и женщины. И туда в купальном костюме тебя не пустят. Вот я посмотрю, как ты там будешь смотреться.

– А я вообще не поеду в такую сауну, – ответила Жанна. Но купальный костюм покорно надела. И действительно почувствовала себя голой. Для нее это была высшая степень откровенности.

– Нет, – сказала Жанна, – я просто не смогу так выйти на пляж. Тогда уж лучше сразу в Германию. Это какая-то порнография.

– Я тебя действительно не понимаю, – в свою очередь, разозлилась Алевтина, – ты уже давно не девочка. Взрослая женщина, имеешь опыт общения с мужчинами. Можно сказать, живешь со своим художником в гражданском браке. И командуешь мужиками. А ведешь себя, как глупая девочка. Расслабься и получай удовольствие. В твои годы как раз самое время. Детей нет, мужа нет, никакой ответственности. Одно сплошное удовольствие.

– Нужно еще такого мужчину встретить, чтобы удовольствие получить по-настоящему, – задумчиво произнесла Жанна, глядя на себя в зеркало.

– А твой художник тебя, значит, не устраивает? Тогда зачем ты с ним встречаешься?

– От безысходности, – тихо произнесла Жанна, – нужно же с кем-то встречаться. А он мне вполне подходит. Мягкий, добрый, интеллигентный человек. Без комплексов... У нас с ним, кроме секса, ничего нет. Почти никаких чувств. Мы просто симпатичны друг другу, не более того.

– Да ты просто развратница, – расхохоталась Алевтина, – и еще мучаешься, стоит ли тебе ходить в таком купальнике. Вот тебе парео, пошли на пляж. Наши латыши сегодня будут у твоих ног.

Но на пляже все оказалось совсем не так просто. Жанна долго и мучительно не соглашалась снять парео, а когда сняла, то почувствовала, как краснеет. Ей казалось, что все мужчины и женщины смотрели на ее голые ягодицы. Она пыталась прикрываться, неловко пятилась, укрывалась за подругой. На самом деле, конечно, на нее смотрели, но достаточно равнодушно. На пляже находились десятки женщин, одетых в такие же вызывающие купальники. А вот с мужчинами были большие проблемы. Загоравшие на пляже двуногие существа с отвисшими пивными животиками в донжуаны явно не годились совсем. Их даже уже не привлекали женские прелести. Многим из них было даже лень подняться и сделать пару комплиментов соседним женщинам. Приехавшие сюда мужчины в основном являлись людьми далеко не бедными. А ведь за деньги можно было спокойно купить себе любовь молодой девушки или взрослой женщины, не прибегая к отчаянным усилиям для ее соблазнения. Сам жанр оболъщения, как таковой, уходил в прошлое. Мужчины просто и откровенно предлагали с ними переспать. И если женщины отказывались, мужчины сразу теряли к ним всякий интерес, переключаясь на

других. Долгие воздыхания и серенады под луной теперь без надобности, век стал более прагматичным и неромантическим.

Жанна вышла на берег, стараясь добежать до спасительного парео, чтобы закрыть себе нижнюю часть тела, когда увидела, как к ним направляется один из «латышей». Она купалась обычно без очков, и это смущало ее еще больше, так как она не могла видеть всех окружавших ее людей. Жанне казалось, что все посторонние мужчины обращают на нее внимание. Алевтина тоже увидела лысого «латыша» среднего роста и среднего возраста. И больно толкнула подругу в бок.

– Сейчас будет приставать, – победно произнесла она.

Мужчина подошел поближе, наклонился к Жанне.

– Извините, пожалуйста, что я вас беспокою, – сказал он с характерным латышским акцентом, – я хотел у вас узнать...

– Конечно, – подняла голову Алевтина, – мы расскажем вам все, что вы хотите. Садитесь рядом. Давайте познакомимся...

– Извините, я не представился. Меня зовут Арнольд, – смутился мужчина.

– Прямо как губернатора Калифорнии, – польстила незнакомцу Алевтина, – очень приятно. Я Аля, а это Жанна, моя подруга. Вы откуда?

– Из Риги.

– А мы из Киева.

– Мне тоже приятно, – кивнул Арнольд.

– А где ваш товарищ? – поинтересовалась Алевтина.

– Он собирает вещи в нашем номере, – честно ответил Арнольд.

– Правильно. В номере должен быть порядок, – согласилась Алевтина. – А кто вы по профессии?

– Нет, вы не поняли. Он собирает свой чемодан. А я уже его собрал. Мы завтра утром отсюда уезжаем. Наш срок уже закончился.

Жанна с трудом сохранила невозмутимое выражение, чтобы не рассмеяться. Алевтина нахмурилась.

– Вы уезжаете? – сказала она растерянно. – Почему так рано?

– Не рано. Мы отдыхали здесь уже две недели. Наша компания оплатила нам отдых в этом прекрасном отеле.

– Компания? – переспросила Жанна невинным голосом. У Алевтины было такое лицо, что она, казалось, сейчас расплачется. – А кем вы работаете, Арнольд?

– Мы работаем в компании по производству металла. Я – старший технолог, а мой друг – главный механик. Он очень талантливый человек. Благодаря прессу, который он изобрел, мы очень подняли нашу производительность. Он его запатентовал... Я правильно говорю это слово?

– Правильно, правильно, – кивнула Жанна, ответно толкая в бок свою подругу и надевая очки.

– И наша компания решила наградить нас этой поездкой. На две недели в Турцию. Жалко, что нас послали двоих. Но на следующий год мы приедем сюда со своими семьями.

– Обязательно. Скажите, Арнольд, а у вас большая семья?

– Да. Жена и четверо детей. У меня жена католичка из Литвы. Она считает, что нельзя делать аборт, это очень большой грех – убивать неродившегося ребенка...

– Конечно, грех, – Жанна еще раз толкнула Алевтину в бок. Та покорно кивала, не решаясь уже вмешиваться в разговор.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.